

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-148-153
УДК 130.2:281.93(045)

Русская церковь и государство в 80-е годы XX века

Д.Л. Филатов

Кафедральный собор Храма Христа Спасителя, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Начавшаяся в 1985 г. перестройка требовала качественных преобразований во всех сферах российского общества. Бесспорно, ждали своего разрешения назревшие вопросы касательно государственно-церковных отношений. Новая общественно-политическая обстановка в стране в середине 80-х гг. привела к формированию демократических политико-правовых норм между государством, народом и религиозными организациями. Эта же внутривнутриполитическая ситуация способствовала подъему религиозного чувства русского народа. На пороге знакового торжественного празднования 1000-летия Крещения Руси, 29 апреля 1988 г., М.С. Горбачев встретился с представителями Русской Православной Церкви — патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода Русской Православной Церкви. Эта встреча во многом определила судьбу государственно-церковных отношений на ближайшие десятилетия, поскольку на ней обсуждались актуальные вопросы вероисповедной политики, разрешения которых требовало острое несоответствие действующего законодательства и реальной обстановки в обществе.

Ключевые слова: перестройка; вероисповедная политика; государственно-церковные отношения; Русская Православная Церковь; религиозная организация; демократизация; антирелигиозная политика; религиозный подъем; религиозное чувство

Для цитирования: Филатов Д.Л. Русская церковь и государство в 80-е годы XX века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):148-153. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-148-153

ORIGINAL PAPER

Russian Church and State in the 80s of the XX Century

D.L. Filatov

The Cathedral of Christ the Savior, Moscow, Russia

ABSTRACT

Perestroika, which began in 1985, required qualitative transformations in all spheres of Russian society. Undoubtedly, urgent issues concerning state-church relations were waiting for resolution. Since the mid-80s, a fundamentally new socio-political situation has been emerging in the country, which has led to the formation of democratic political and legal norms between the Soviet State, the people and religious organizations since the mid-80s. The same internal political situation contributed to the rise of the religious feeling of the Russian people. Russian Orthodox Patriarch Pimen and members of the Synod of the Russian Orthodox Church met on April 29, 1988, on the threshold of the landmark celebration of the 1000th anniversary of the Baptism of Rus. This meeting, in many ways, determined the fate of state-church relations for the coming decades, as it discussed topical issues concerning religious policy, the resolution of which required an acute discrepancy between the current legislation and the real situation in society.

Keywords: perestroika; religious policy; state-church relations; Russian Orthodox Church; religious organization; democratization; anti-religious policy; religious upsurge; religious feeling

For citation: Filatov D.L. Russian church and state in the 80s of the XX century. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):148-153. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-148-153

К началу 80-х гг. прошлого столетия Русская Православная Церковь, несмотря на более чем шестидесятилетний период притеснения, имела статус одной из пятнадцати мировых автокефальных Церквей и занимала в СССР важнейшее место среди всех существующих религиозных организаций.

Управление производилось согласно «Положению об управлении Русской Православной Церкви», принятому на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 31 января 1945 г.

Данный документ закрепил правило, утверждающее, что высшая церковная власть принадлежит Поместному Собору. Священный Синод, в который входили три неизменных (а не пять, как до 1945 г.) и три временных члена, приглашаемых из архиерейского чина для решения общецерковных вопросов, созывался два раза в год на зимние и летние сессии [1, с. 271].

По сравнению с серединой 60-х гг., число иерархов и духовенства Церкви осталось практически неизменным. Однако сместился возрастной и образовательный ценз ее представителей. Так, значительно сократилось число престарелых священнослужителей, и средний возраст священников теперь составил 55–56 лет (в 60-х гг. — 60 лет). Повысился их образовательный уровень — 75% имели среднее государственное образование, более 80% — высшее богословское.

Среди высшего чина священнослужителей (архиереев) также понизился возрастной ценз — средний возраст стал 40–45 лет (в 60-х гг. — 50–55 лет). Известны случаи рукоположения в архиереи лиц младше 40 лет [2, с. 28].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что с начала 80-х гг. XX в. кандидатами к принятию священного сана были люди, которые сознательно избирали путь служения Богу. Они посвятили церковной карьере самые активные и плодотворные годы своей жизни, тем самым проявляя энергию, настойчивость и желание трудиться на благо Церкви.

Отсюда следует, что новое активное поколение духовенства и первоиерархов оказывали более плодотворное влияние на население, чем раньше. В религиозном сознании верующих снова, как и в дореволюционное время, закрепился образ священника как «пастыря церкви» и носителя высших духовных скреп православия.

Вместе с тем представители епископата родились и воспитывались в условиях социализма, а потому предпринимали действия, направленные на содействие социалистическому государственному строю и общественному порядку. Многие из священнослужителей и монахов (из возрастного духовенства) были участниками Великой Отечественной войны, что также придавало им авторитет как в духовной, так и гражданской жизни.

Общее количество священнослужителей к началу 1980-х гг. составило около 10 тыс. чел., и в этой среде происходили весьма положительные сдвиги. Теперь у 50% священников было среднее образование, также выросло число закончивших вузы. Более 50% представителей Церкви имели среднее светское и высшее духовное образование [3, с. 390].

Данную статистическую картину можно объяснить тем, что церковные учебные заведения, такие как семинарии и академии, переросли в серьезные богословско-просветительские центры, где училось около 2 тыс. чел. Острая необходимость в кадрах привела к тому, что за 15 лет число студентов высших духовных учебных заведений увеличилось вдвое. При этом сохранялся относительно высокий конкурс: 2,2–2,5 чел. на место [3, с. 390].

К началу 90-х гг. 25% из числа поступающих в высшие духовные учебные заведения имели высшее светское образование [4, с. 54].

Все приведенные данные свидетельствуют о том, что в стране начался новый этап перестройки, требовавший изменений во всех сферах жизни общества, в том числе — в отношении религии.

29 апреля 1988 г. на встрече М.С. Горбачева с представителями Церкви обсуждались злободневные вопросы, требовавшие безотлагательного решения, поскольку они являлись отголосками бывшего антицерковного периода, и теперь их надо было пересмотреть в связи с изменением государственного курса.

В ходе мероприятия говорилось о пересмотре вероисповедной политики, проводимой в предыдущие десятилетия; о соучастии церковных представителей в процессах нравственного воспитания российского народа; подчеркивалась важность выявления точек соприкосновения и подпитки активного социального диалога между верующими и неверующими гражданами.

ми в культурно-нравственной парадигме, «где общечеловеческие нормы и обычаи могут сподвигать нашему общему делу»¹.

Данное событие стало отправной точкой в процессе открытого признания права верующих на деятельное участие в общественных вопросах. Были сформированы ценные принципы, указывающие на значимую роль религии в русском обществе и культуре.

Подобные сдвиги возникли не на пустом месте. Им предшествовали обширные обсуждения, дискуссии, круглые столы и встречи, проводимые преимущественно на площадках средств массовой информации. Немаловажным фактором стало выступление известных представителей культуры и искусства, зарубежных и отечественных религиозных общин, призывающих к пересмотру привычного негативного отношения к вере и Церкви, а также подчеркивающих значимость религии для истории и культуры [5, с. 205].

К концу 80-х гг. были осуществлены робкие попытки к возвращению религиозных зданий в церковную собственность, единично регистрировались первые религиозные общины и группы. Однако Церковь, как стало ясно из последующих событий, не поспевала за стремительными переменами в обществе. Не работав официальной позиции и не имея вектора развития в связи с происходящими вокруг событиями, она всю свою деятельность по старинке сводила к публичной поддержке власти и провозглашаемых реформ.

Церковные иерархи как будто ждали инструкций от государственного аппарата, и в будущем это привело к иерархическому разделению и созданию оппозиционных движений, сформировавшихся во время продолжительной переориентации церковной политики [5, с. 206].

Необходимость структурных преобразований Церковь осознала только в 1988 г., когда весь православный мир праздновал 1000-летие Крещения Руси. Этот значимый юбилей послужил толчком для активизации и в других конфессиях, выступив в качестве образца, первого шага на пути к избавлению от контроля государственно-партийной машины.

Именно с этого времени все более отчетливо стало проявляться желание преодолеть зави-

симось от идеологических убеждений Коммунистической партии. Становился очевидным разрыв между антирелигиозной политикой и настоящей ситуацией, в которой реальное отношение к религии, Церкви и верующим за недолгий срок уже сформировало новый взгляд на жизнь, требующий «живого общения не только с единомышленниками, но и с людьми, представлявшими иные взгляды, отличающиеся от наших и философски, и политически» [6, с. 60].

На фоне громких голосов о грядущей демократизации и гласности ущемление прав верующих, запреты на проведение богослужений и регистрацию новых религиозных общин, мотивируемые высокими целями коммунизма и ограждением рассудка советских граждан от «тлетворного влияния» религии, выглядели все более противоестественно.

В средствах массовой информации стали чаще звучать слова в поддержку свободного существования религиозных организаций. Громче доносились голоса с требованием переосмысления действующего права по отношению к религии и Церкви, предавались огласке случаи неправомερных действий местных властей применительно к религиозным общинам и их предводителям [5, с. 207].

При этом Русская Церковь принимала прямое участие в решении не только морально-нравственных, но и социально-экономических проблем общества. Духовенство с амвонов в своих проповедях и посланиях распространяло идеи укрепления трудовой дисциплины, призывало к экономии и бережливости к казенному и личному имуществу, пропагандировало институт семьи, осуждало тунеядство и алкоголизм, говорило об охране общественной среды, мотивировало к сохранению памятников истории и культуры.

Все эти темы получили распространение и в письменных документах: в Рождественских посланиях членов Священного Синода митрополита Алексия (Ридигера), митрополита Ювеналия (Пояркова) и в поздравлении архиепископа Кирилла (Гундяева) [3, с. 399].

Демократизация социальной жизни, создание условий для функционирования реального правового поля, прекращение монополии Коммунистической партии на идеологию сделали возможным расширение политических, идеологических, культурных структур. Религиозные

¹ Московские новости. 1988;19(409).

организации сразу же вовлеклись в этот процесс — переход к демократическому обществу стал стартовой площадкой для укрепления их позиций.

Важную роль в данном вопросе сыграла политика гласности, которая осуждала антидемократические тоталитарные структуры, разоблачала преступления против прав человека, критиковала случаи террора и геноцида, замалчиваемые во времена СССР.

Было выявлено несметное количество случаев притеснений и гонений священнослужителей, деятельности Церкви, разрушения и разворовывания религиозных строений, ущемления и очернения мировоззрения миллионов верующих, фальсификации во время судебных процессов и разбирательств по отношению к различным конфессиям.

В совокупности изложенные примеры, подкрепленные реальными доказательствами и обнародованными документами, иллюстрировали не деструктивные результаты программы идеологического атеизма, а циничные методы коммунизма. По этой причине развернувшаяся деятельность религиозных организаций нашла поддержку в широких массах. К строительству новых и восстановлению разрушенных культовых сооружений стали подключаться не только верующие, но и не имеющие отношения к Церкви люди. Как правило, средства на подобные работы собирались исключительно народом. Возобновилась издательская деятельность церкви.

Процессы демократизации затронули законодательную базу и ярко выразились в поправках в Конституцию, принятых в ноябре 1988 г. В 39 статье Закона отмечается, что «кандидатом в народные депутаты СССР от общественной организации может быть выдвинут любой член этой организации, включая религиозных деятелей»².

Так, весной 1989 г. народными депутатами от общественных организаций было избрано семь религиозных деятелей: Патриарх Московский и всея Руси Пимен, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (будущий Патриарх), митрополит Волоколамский и Юрьевский Пий-тирим, священник Петр Бубуруз из Молдавии,

Верховный патриарх и католикос всех армян Вазген I, два председателя духовного управления мусульман Средней Азии и Закавказья: муфтии Мамаюсунов Мухаммад-Садык и Шейх-уль-ислам Аллах-шукюр Паша-заде Гуммат оглы³. При этом в советах различных уровней участвовало более трехсот представителей религии.

К концу 80-х гг. в обществе проявилось явное несоответствие законодательной базы и практической организации жизни религиозных учреждений. Отсюда следовало, что закон перестал быть силой, регулирующей общественные отношения ввиду того, что правовые акты безнадежно устарели.

Сложившаяся ситуация была разрешена только в 1990 г. с принятием нового закона «О свободе совести и религиозных организациях»⁴.

Его разработка началась еще до 1985 г., однако проект вышел только в годы перестройки. О подготовке нового закона М.С. Горбачев сообщил руководству Русской Православной Церкви на встрече в 1988 г. Вместе с тем он отметил, что в законе будут в полной мере приняты в расчет мнения и нужды всех религиозных организаций.

Уже с весны 1988 г. советская периодическая печать начала издавать публикации, в которых отмечалась потребность в принятии нового, актуального законодательства по отношению к религиозным организациям.

Так, «Литературная газета» писала: «Новое законодательство должно исходить из признания религии и церковных организаций реальностью социалистического общества, опираться на принципы демократизации нашей жизни. Надо четко определить правовое положение религиозных организаций, включая монастыри и духовные учебные заведения. В ныне действующем законе о них ничего не сказано. В нем также должны быть отражены существующие уже давно издательская деятельность религиозных организаций, их международные связи, хозяйственная деятельность. Должна быть оговорена судебная процедура при рассмотрении споров, возникающих между религиозными обществами и местными органами власти»⁵.

³ Словарь религии и народов современной России. М.: Республика, 1999. С. 85.

⁴ URL: <https://base.garant.ru/5226692/>

⁵ Литературная газета. 1988, №20 (5190).

² URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14#VoCzwvTi2uiEOVzO>

Проект был принят 1 октября 1990 г. В нем закрепились права граждан на формулирование и высказывание личного отношения к религии, на выражение соответствующих ей убеждений, на свободное исповедание культа и следование религиозной традиции, на социальное равноправие и паритет, на сохранение прав и интересов граждан вне зависимости от отношения к религии. Вражда, оскорбление и притеснение верующих граждан отныне карались законом [5, с. 212].

Значимость принятого закона заключалась, помимо всего изложенного, в том, что религиозные организации получили необходимый правовой статус в качестве юридического лица, а также права на создание печатных изданий и деятельность в пространстве СМИ.

Таким образом, 80-е гг. XX в. для Русской Православной Церкви, наряду с прочими религиозными организациями, действительно стали временем перестройки, когда вслед за российским обществом должно было трансформироваться внутреннее устройство Церкви, которая всегда активно реагировала на происходящие в стране политические процессы.

Стимулирующим фактором к давно назревшему диалогу между Церковью и государством выступил масштабный юбилей 1000-летия Крещения Руси. Это событие ознаменовало действительный поворот в вероисповедной политике государства, а результаты первых шагов по урегулированию государственно-церковных отношений не заставили себя ждать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Звонарев С., священник. Проект «Основных положений управления Русской Православной Патриаршей Церкви» 1943 года — малоизвестный документ истории высшего управления Русской Православной Церкви. *Вестник церковной истории*. 2008;2(10):271–278.
2. Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М.: Центральный дом духовного наследия, Объединение исследователей религии; 2002. 312 с.
3. Маслова И.И. Эволюция вероисповедной политики Советского государства и деятельности Русской Православной Церкви (1953–1991 гг.). Дис. ... доктора истор. наук. М.: МПГУ; 2005. 545 с.
4. Конюхов Д.А. Православное образование в России после 1917 г. и в СССР. *Человек и образование*. 2011;2(27):50–54.
5. Соляник О.В. Взаимоотношение государства и церкви в Российском государстве (историко-правовой аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар: КубГАУ; 2007. 239 с.
6. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М.: Политиздат; 1988. 63 с.

REFERENCES

1. Zvonarev S., Priest. Draft “Basic Provisions of the Administration of the Russian Orthodox Patriarchal Church” 1943 — a little-known document of the history of the supreme administration of the Russian Orthodox Church. *Vestnik cerkovnoj istorii = Herald of Church History*. 2008;2(10):271–278. (In Russ.).
2. Odintsov M.I. Russian Orthodox Church in the twentieth century: History, relations with the state and society. Moscow: Central'nyj dom duhovnogo naslediya, Ob'edinenie issledovatelej religii; 2002. 312 p. (In Russ.).
3. Maslova I.I. Evolution of the religious policy of the Soviet state and the activity of the Russian Orthodox Church (1953–1991). Diss. Dr. Sci. (History). Moscow: Moscow state pedagogical university; 2005. 545 p. (In Russ.).
4. Konyukhov D.A. Orthodox education in Russia after 1917 and in the USSR. *Chelovek i obrazovanie = Man and education*. 2011;2(27):50–54. (In Russ.).
5. Solyanik O.V. Vzaimorozhenie gosudarstva i churches v Rossiiskogo gosudarstva (historico-legal aspect). Diss. cand. Sci. (jurid). Krasnodar: KubGAU; 2007. 239 c. (In Russ.).
6. Gorbachev M.S. Perestroika and new thinking for our country and the whole world. Moscow: Politizdat; 1988. 63 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Даниил Леонидович Филатов — магистр теологии, священнослужитель Кафедрального Собора Храма Христа Спасителя, Москва, Россия

Daniil L. Filatov — Master of Theology, the Priest of the Minster of the Cathedral of Christ the Savior, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0009-6238-9369>

28121995@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.03.2024; принята к публикации 15.04.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.03.2024; accepted for publication on 15.04.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.